

# Петербургские гарики Игоря Губермана



В КАНУН славного, почти русского праздника Хануки, совпавшего с выборами в Думу, израильский поэт Игорь Губерман решил совместить приятное с полезным. Отметить национальный праздник и встретиться с почитателями. Правда, на вопрос поклонницы, что для поэта важнее - выборы или начало Хануки, Игорь Миронович, как ни странно, выбрал первое ("Я очень люблю Россию и душевно к ней привязан, еврейскую историю же знаю плохо и переживать ее, как истонные израильтяне, уже не смогу"). В приватной беседе с нашим корреспондентом Губерман добавил, что уважает праздники всех религий, которые заканчиваются выпивкой.

ВООБЩЕ поэт производил впечатление рафинированного интеллигента. Витиевато ругался матом, доказывая, что за годы эмиграции русский язык во всем многообразии им не забыт. Прежде чем прочитать стихи "с элементами неформальной лексики", художник долго извинялся, ссылаясь на классика советской литературы Юрия Олешу ("Этот писатель как-то сказал, что не видел ничего смешнее в своей жизни, чем написанное печатными буквами слово "жопа"). По мнению Игоря Мироновича, большинство людей плохо относятся к неформальной лексике вовсе не из-за ханжеского воспитания, полученного в детстве, а в силу богатства воображения. "Эти люди связывают некоторые вполне нейтральные слова с частями тела или процессами, и потому внутренне конфузятся". Поэт подобной конфузливости лишён начисто. На просьбы прочесть что-нибудь приличествующее слуху десятилетней девочке Губерман мгновенно нашёл:

"По речушке меленькой,  
за ромашкой беленькой  
плыли две букашки  
на большой ка..."

Искушенный читатель закончит

Кстати, для тех, кто не знает: матершинник и крамольник Игорь Губерман, ныне популярный русскоязычный литератор Израиля, был еще недавно гражданином советской империи. Печатался в самиздате, сидел в тюрьме, был выслан из страны ("В разгар законности, в середине восьмидесятых, нас вызвали в ОВИР, и красивая чиновница сказала замечательную фразу: "Министерство внутренних дел приняло решение о вашем отъезде"). Уехал, не сопротивляясь.

Теперь живет в святом городе Иерусалиме, автор многих

книг: "Штрихи к портрету", "Прогулки вокруг барака", "Иерусалимские гарики" (гариками в честь собственного имени Губерман называет многочисленные четверостишия). В Нижнем Новгороде вскоре должен выйти аж трехтомник произведений поэта.

Бывшую родину литератор навещает регулярно, встречая неизменно восторженный прием поклонников. В фойе концертного зала выстроилась длинная очередь желающих получить автограф у маэстро. Проблемы отечественные израильтянина Губермана тревожат искренне, на вопрос журналиста питерского радио о зарубежном взгляде на политическую клоунаду - выборы - Игорь Миронович ответил без ерничества: "Нельзя говорить о клоунаде, когда речь идет о жизни, и взгляд мой не зарубежный, а чисто российский. Если в Государственную думу попадет как можно меньше дерьма и идиотов, я буду безумно счастлив".

## О России

Патриотическим стихам поэт уделил на вечере много внимания. Среди прочих он прочел, например, такое:

Любовь моя чиста  
и неизменна,  
пристрастие любовью  
одержимое.  
Будь проклято и будь  
благословенно  
отечество мое

А вот другой гарик, вызвавший бурные аплодисменты: "Россияне живут и ждут, уловляя малейший знак. Понимая, что н.бут, но не зная, когда и как."

После первого путча ("мы тогда не отрывались от телевизоров, было безумно страшно") Губерман на радостях написал стихотворение, которое так и не было нигде напечатано, но которое поэт считает предупреждением для запад-

ных товарищей:

Получив в Москве по жопе,  
полон пессимизма,  
снова бродит по Европе  
призрак коммунизма.

Крушение социалистической системы, оказывается, обернулось для литератора не только свободой, но и личными потерями. Например, пришлось выбросить из сборников главу о пьянстве, которая называлась очень по-советски: "Не стесняйся, пьяница, носа своего. Он ведь с нашим знаменем цвета одного". Империя рухнула, и символы ее исчезли. Не окончательно, правда.

Однако в будущее России поэт смотрит с оптимизмом, "хотя и страшно за вас, на расстоянии всегда страшнее". И не легкомыслие тому виной. "За последние годы три очень разных человека - крупный мафиози в Одессе, московский промышленник и один из чистейших, честнейших членов Думы - сказали мне одно и то же: "Если за 15-20 лет не произойдет, не дай Бог, социального взрыва, то Россия встанет, наконец, на нормальный путь развития". Причем все трое надеются на течение времени, на молодых, на свободу и западные инвестиции, но никто не надеется на правительственные реформы.

Про эти самые реформы Губерман рассказал отдельную байку, сославшись на важного приятеля-чиновника. Приятель привел такое сравнение: "Если мужчина приходит к женщине и садится пить чай - это нормально. Если мужчина приходит к женщине, снимает штаны и занимается с

ней любовью - это тоже нормально. Но если мужчина приходит к женщине, снимает штаны и садится пить чай - это ненормально, но это и есть правительственные реформы"...

## О вождях

"Меня очень часто спрашивают о разных современных вождях, как я к ним отношусь. У меня нет конкретных стихов о каких-то лидерах. В самиздатские времена был написан один гарик:

В любви и смерти находя  
неисчерпаемую тему,  
я не плевал в портрет  
вождя,  
поскольку клал на всю  
систему".

Правда, для Жириновского Игорь Миронович сделал исключение, посвятив ему такое четверостишие:

Среди болотных пузырей,  
надутых газами гниения,  
всегда находится еврей -  
венец болотного творения.

Главный либерал-демократ России вообще произвел на Губермана неизгладимое впечатление. Случайно увидев вождя в Московском доме литераторов, Гарик высказался так: "В своем местечковом картузе, в сопровождении четырех коричнево-кожаных охранников, он был похож на еврея, арестованного во время продразверстки".

## О братьях-евреях

Обвинить поэта в сионизме и прославлении собственного народа еще никому не удавалось. Губерман пишет о братьях своих, например, так: "В мире лишь еврею одному

часто удается так пожить,  
чтоб не есть свинину  
самому  
и свинью другому  
подложить.  
Или еще хуже:  
Я счастлив, что жив и  
неистов  
тяжелый моральный урод -  
мой пакостный, шустрый,  
корыстный,  
настырно живучий народ.

Гарик подобных произведений показалось мало, он стал писать специальные антисемитские стишки, которые печатаются в газетах "Пульс Тушина" и "Вече", правда, без фамилии автора:

На всем лежит еврейский  
глаз,  
у всех еврейские ужимки,  
и с неба падают на нас  
шестиконечные снежинки.  
"Я буду писать и дальше, -  
сказал творец, - потому что у  
этих газет очень плохие авторы".

- Услышав ваши стихи, подумаешь, что вы евреев не терпите? - спросила журналистка.

- По некоторым моим стихам о семейной жизни может показаться, что мне не везет в супружестве, а я уже 31 год очень счастливо женат.

... "У евреев есть уникальное свойство смеяться над собой. Болгары шутят над собой только в Габрове, а мы - везде. Причем поводов к смеху очень много. Когда я приехал в Израиль и учился языку в ульпане, на занятиях встал грозного вида мужчина, приехавший из Душанбе. Махровый интеллигент, у него дома осталась мастерская по ремонту зонтиков, он спросил преподавателя: "Почему Господь Бог на горе Синай дал евреям Тору бесплатно, а нас заставляют платить за учебники?"

По мнению Губермана, в Израиль приехало немыслимое число евреев - лекторов по атеистической пропаганде. Они тоскуют по идеологии, оставленной в Союзе, и в поисках новых идей надеваются кипу и идут учиться религии. "И с ними снова становится невозможно разговаривать. С той же советской категоричностью они судят обо всем на свете, черпая цитаты теперь уже не из книг Маркса и Энгельса, а из Талмуда".

О любви к женщинам

Лювеобильный Губерман посвятил прекрасному полу множество стихов:

Не видя прелести  
в скульптуре,  
люблю ходить к живой  
натуре.

Или вот другое признание:

Я никак не пойму, отчего  
так я к женщинам пагубно  
слаб.  
Может быть, из ребра  
моего  
было сделано несколько  
баб?

- Вы на самом деле такой ловелас, каким представляе-

тесь?  
- Чудовищный. Но стараюсь держаться в последнее время. У меня есть такое стихотворение на эту тему:  
Увижу девку, дрогнет  
сердце,  
но равнодушен, словно  
сплю.

Я стал буквально  
страстотерпцем,  
поскольку страстен,  
но терплю.

## О старости

"Старость, как говорил Давид Самойлов, это когда бутылку еще видишь, а рюмку уже нет. Со стариками дивные истории случаются. Например, один очень популярный в Израиле актер на склоне лет решил переселиться в дом для престарелых. Переехал, вечером спускается в столовую, подсаживается к старушке и самонадеянно говорит:

- Вам, конечно, знакомо мое имя?

- Нет. Но вы спросите у дежурной сестры, она вам напомним".

Многие гарики поэта о старости не печальны, а в меру оптимистичны:

Нас маразм не обращает в  
идиотов,  
а в склерозе много  
радостей для духа,  
каждый вечер куча новых  
анекдотов,  
каждой ночью незнакомая  
старуха.

Зря девки не глядят  
на стариков  
и лаской не желают  
ублажать.  
Мальчишка переспит -  
и был таков,  
а старенький не в силах  
убежать.

Но есть и другие:

Я устал. Надоели дети,  
бабы, водка и пироги.  
Что же держит меня

на свете?

Чувство юмора и долги.  
- Вы искренне это написали? - спросили у Губермана.  
- Я все свои стихи пишу искренне. И это губит меня уже 60 лет.

## Вместо эпилога

Игорь Губерман пишет не только стебные стишки, и признание пришло к нему, наконец, и в той стране, которую он оставил, но не забыл. "У меня две родины", - признается поэт. Главу, посвященную России, в сборнике "Иерусалимские гарики" он закончил таким четверостишием:

Я там любил, я там сидел в  
тюрьме,  
по шатким и гнилым ходил  
мостам,  
и брюки были вечно в  
бахроме,  
и лучшие года остались там.

Ирина ФРОЛОВА

Фото Виталия СУТУЛОВА